

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: ens77@mail.ru

Птицы и дети: семантика вариантов погребального обряда по материалам могильников Барабинской лесостепи

В статье рассматриваются различные варианты обнаружения орнитологических материалов в детских погребениях Барабинской лесостепи. Проанализированы коллекции могильников Тартас-1, Сопка-2, Корчуган и Усть-Тартасские курганы. Выявлены изготовленные из птичьих костей предметы сопроводительного инвентаря – игольники, пронизки, проколки; возможно, выбор материала для изделий в ряде случаев являлся преднамеренным. Отмечено, что в эпоху поздней бронзы значительное количество детских погребений памятника Тартас-1, относящихся к андроновской (федоровской) культуре, содержит кости птиц. Орнитоморфный декор отдельных находок может говорить о существовании связанных с птицами обрядовых практик. Рассмотрены археологические параллели детским погребениям, содержащим орнитологические материалы как на территории России, так и за ее пределами в широком хронологическом диапазоне от Прибайкалья до Восточной Европы. Выявлены этнографические данные, обнаруживающие взгляды на птицу, особенно водоплавающую, как на посредника между различными областями мироздания – земной, воздушной, подводной. Отмечено, что в мифологии многих народов Сибири птица фигурирует в качестве демиурга либо тотемного предка. Кроме того, встречается представление о душе в виде птицы, с ней же ассоциируется душа, переходящая от умершего к новорожденному. На основании рассмотренных археологических материалов, можно говорить о присутствии образа птицы в связанных с детским погребальным обрядом аспектах мировоззрения древнего населения Барабинской лесостепи в разные исторические эпохи. Орнитоморфный декор может также обнаруживать связь члена коллектива с конкретной (тотемной?) птицей, которая могла выполнять и функции апотропея.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, детские погребения, идеологические представления, птица, погребальный обряд, одиновская культура, кротовская культура, андроновская культура.

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: ens77@mail.ru

Birds and Children: Semantics of Variants of the Funeral Rite Using the Evidence from the Burial Grounds in the Baraba Forest-Steppe

This article analyzes various kinds of ornithological evidence discovered in children's burials in the Baraba forest-steppe (Tartas-1 and Sopka-2 burial grounds, and Korchugan and Ust-Tartas burial mounds). Grave goods made of bird bones included needles, tubular beads, and piercing tools. In some cases the choice of material for producing these items could have been deliberate. In the Late Bronze Age, a significant number of children's burials at the Tartas-1 site belonging to the Andronovo (Fedorovo) culture contained bird bones. Ornithomorphic decoration of individual artifacts may indicate ritual practices associated with birds. The study discusses archaeological parallels to children's burials with ornithological evidence from the Baikal region to Eastern Europe in a wide chronological range. Ethnographic data revealed that birds (especially waterfowl) were perceived as intermediaries between different realms of the universe – earthly, aerial, and underwater. In the mythology of many Siberian peoples, the bird appears as a demiurge or totemic ancestor. In addition, there was a belief about the soul in the bird form, and soul passing from the deceased to the newborn as a bird. Based on the reviewed archaeological evidence, it is possible to speak about the image of the bird from the perspective of the worldview aspects associated with children's funeral rite in the ancient cultures of the Baraba forest-steppe in different historical periods. Ornithomorphic decoration may also reveal a person's association with a specific (totemic?) bird which could also have had apotropaic functions.

Keywords: Western Siberia, Baraba forest-steppe, children's burials, ideological representations, bird, funeral rite, Odino culture, Krotovo culture, Andronovo culture.

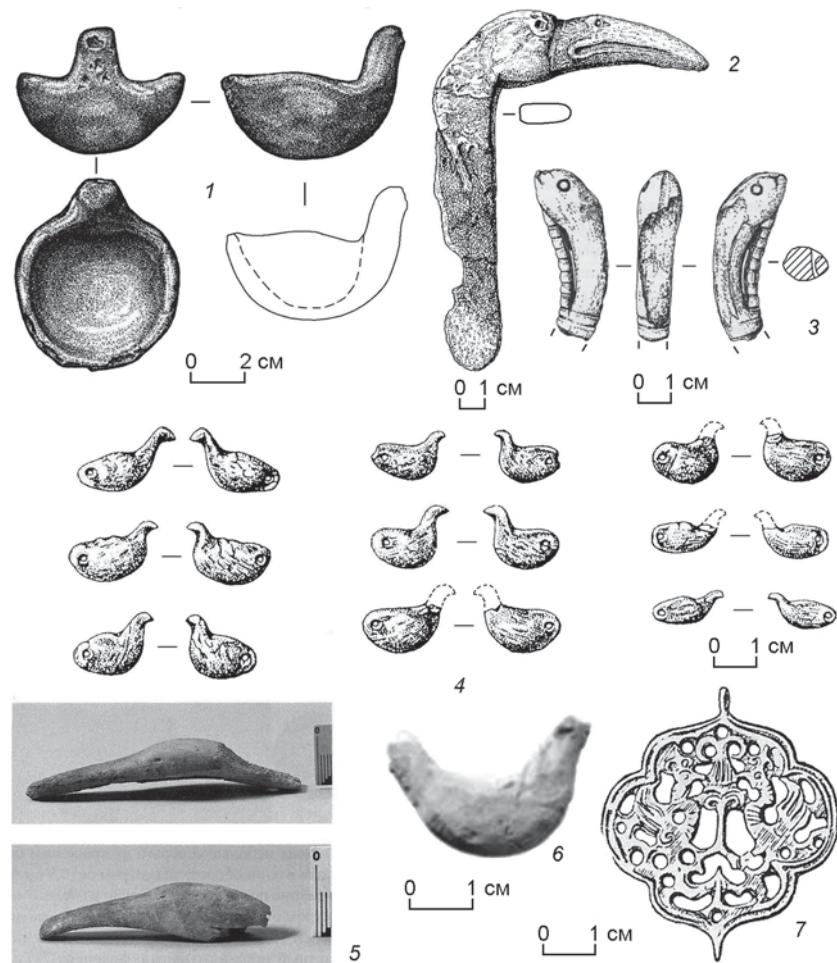
Анализ археологических коллекций погребальных памятников Барабы обнаружил случаи присутствия в инвентаре захоронений орнитологических материалов. На территории Барабинской лесостепи кости птиц в качестве элемента погребального обряда фиксируются в материалах погребений различных археологических культур [Ефремова, 2025].

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться на вариантах помещения орнитологических материалов в погребения детей, поскольку подобный феномен неоднократно имел место на памятниках региона. Один из крупных исследованных здесь разновременных могильников – Тартас-1 – насчитывает 25 захоронений детей в 19 погребениях, в сопроводительном инвентаре которых встречались как отдельные кости птиц, так и артефакты, из них выполненные. В свете рассматриваемой проблемы Тартас-1 интересен еще и тем, что здесь на материалах одного памятника можно проследить варианты погребальной обрядности носителей разных археологических культур в разные хронологические периоды. Так, в детском погр. 143 (культурная принадлежность не определена) кости птицы залегали в примыкающей яме, среди костей и чешуи рыбы (здесь, возможно, они являлись остатками трины), в погр. 339 – у стенки могилы. В четырех погребениях детей и подростков одиновской культуры найдены 7 подвесок-нашивок из орнитологических материалов (погр. 274) и кости птицы, в т. ч. обработанные (330A, 410, 644). Птичьи кости встречены в двух детских погребениях кротовской культуры (26, 428) и в двух позднекротовских (черноозерских) захоронениях (318, 330). Еще в одном погребении этой культуры у кисти ребенка залегала обожженная пронизка из птичьей кости. Материалы андроновской культуры включают погребения четырнадцати детей, где встречены кости птицы, в одном случае обожженные (46, 143, 195, 216, 231, 236, 293, 584). В одном погребении с кремацией (478) обнаружен сосудик в виде уточки (см. рисунок, 1) [Молодин и др., 2011, 2022].

Еще большим разнообразием отличаются материалы разновременного памятника Сопка-2, расположенного в нескольких километрах от Тартаса-1. В комплексе погребений детей эпохи раннего металла Сопка-2/3, 3А в погр. 643,

где захоронены как минимум трое взрослых и три ребенка (возрастом от полугода до пяти лет), обнаружены 31 кость птицы и игольник из полой птичьей кости. В ярусном погр. 622 среди остатков скелетов шести человек, в т. ч. трех детей, найден коготь совы. Еще один игольник из кости птицы обнаружен в погр. 345, где захоронены 6 человек – от полугодовалого ребенка до девушки-подростка 15–16 лет. Игольник из погребения младенца возрастом до года (612) был орнаментирован. В коллективном погр. 607, где захоронено 4 ребенка, была обнаружена проколка, выполненная из птичьей кости [Молодин, 2001, с. 34, 37, 67, 75, 77–79, 83, 100].

В детских захоронениях одиновской культуры могильника Сопка-2/4А найдены проколка из кости птицы, залегавшая у плечевой кости ребенка 9–11 лет (погр. 240), игольник в погребении девушки 16–18 лет (263), выполненный из трубчатой кости крупной птицы (гуся, журавля), роговое навершие жезла (см. рисунок, 2) в виде головы птицы – в погребении девушки 15–16 лет

Образ птицы на артефактах из захоронений детей и подростков (Барабинская лесостепь, Хакасия, Приуралье, Алтай).

1 – Тартас-1 (по: [Молодин и др., 2011, рис. 2, 1]); 2, 3 – Сопка-2 (по: [Молодин, 2012, рис. 231; Молодин, Гришин, 2016, рис. 340, 3]); 4 – Корчуган (по: [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, рис. 4, 2–10]); 5 – Итколь II (по: [Поляков, Есин, 2015, рис. 8, 1, 2]); 6 – Прохоровка (по: [Яблонский, 2010, с. 214]); 7 – Ближние Елбаны VIII (по: [Чернецов, 1956, табл. LV, 10]).

(268), кости птицы у руки и ноги ребенка 6–7 лет (погр. 583) [Молодин, 2012, с. 71, 81, 83, 124, 136].

В захоронениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В также имели место орнитологические остатки и изделия из птичьих костей. Так, в ярусном погр. 299 у головы захороненного ребенка возрастом 1–1,5 лет обнаружено скопление костей птицы, при этом авторы не исключают помещения в могилу птицы целиком. В могиле 403 кроме скелета мужчины обнаружены также фрагменты черепа ребенка в возрасте до года. Инвентарь содержал игольник, выполненный из трубчатой кости крупной птицы. В погр. 498 под лопаткой пятилетнего ребенка залегала миниатюрная роговая скульптура головы птицы (токующего глухаря?) (см. *рисунок, 3*) [Молодин, Гришин, 2016, с. 91, 129, 192, 196, 233].

В комплексе Сопка-2/5 отмечены два случая нахождения костей птиц в позднекротовских (черноозерских) детских погребениях: в захоронении 127 кость птицы залегала слева от черепа трехлетнего ребенка, в погр. 136 резаные кости птицы располагались в области грудной клетки погребенного возрастом около шести месяцев [Молодин, Гришин, 2019, с. 42, 46].

Единичные случаи помещения птиц, их изображений и изделий из птичьих костей в могилы детей имеют место и на других памятниках Барабы. В погребении подростка / молодой женщины (?) неолитического могильника Корчуган, расположенного на северо-западе Барабинской лесостепи, было обнаружено ожерелье из девяти миниатюрных костяных фигурок птиц (см. *рисунок, 4*) [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, с. 71, 73]. В детском погребении кург. 7 саргатской культуры, исследованном В.И. Молодиным и Л.Н. Мыльниковой на памятнике Усть-Тартасские курганы, также имели место три обломка костей птицы.

Феномен связи орнитологических материалов (представленных в разнообразных вариантах) с захоронениями детей прослеживается в широком хронологическом диапазоне и за пределами рассматриваемого региона, подобные случаи известны с палеолитической эпохи, например, фигурки птиц из детского погребения Мальты [Lbova, 2021]. В погребении младенца (могильник Итколь II, Хакасия), относящемся к раннему этапу окуневской культуры, найден комплект из роговых подвесок, оформленных в т.ч. в виде птичьих голов (см. *рисунок, 5*). Изделия могли составлять ожерелье либо использоваться для оформления берестяной колыбели в качестве игрушек или оберегов [Поляков, Есин, 2015]. На раннесарматском могильнике Прохоровка в Приуралье в двух погребениях детей до года обнаружены кости птицы и стилизованное изображение птички из известняка (см. *рисунок, 6*) [Яблонский, 2010, с. 19–20, 26]. В материалах сросткинской культуры (могильник Ближние Елбаны VIII, кург. 2, мог. 3) отмечены 4 бронзовые ажурные бляшки-подвески с изображе-

нием птиц (см. *рисунок, 7*), найденные в погребении ребенка до 7 лет [Чернецов, 1956, табл. LV, 8–11].

Чаще, чем выполненные в орнитоморфном стиле изделия, в погребениях детей обнаруживаются кости птиц и предметы из них. Так, в неолитическом погребении могильника Чумыш-Перекат на Алтае центральное место в инвентаре, сопровождающем ребенка 10–11 лет, занимали залегавшие у бедра остатки двух крыльев крупной птицы с богатым оперением [Фрибус, Грушин, 2017, с. 23, 29]. В окуневском погребении ребенка в колыбели (могильник Уйбат V) под рукой малыша лежал игольник из трубчатой кости птицы [Соколова, 1995, с. 44]. В курганном могильнике Грачевка I в Приуралье (полтавкинская культура эпохи бронзы) в погребении подростка обнаружены 4 кости птицы, интерпретируемые как часть музыкального инструмента типа флейты [Кузнецова и др., 2018, с. 10]. В захоронении женщины и младенца большереченской культуры могильника Ближние Елбаны XII были обнаружены 4 трубочки из птичьих костей [Чернецов, 1956, с. 65].

Ряд случаев помещения птиц в детские погребения обнаруживают археологические материалы Восточной Европы. Так, в погребении младенца на могильнике Звейниеки в Латвии, датируемом серединой VI тыс. до н.э., обнаружена орнитоморфная фигурка, сделанная из нижней челюсти птицы; изделие могло крепиться к поясу [Zagorska, Meadows, Iršēnas, 2018, p. 103–106]. На неолитическом памятнике Тамула в Эстонии возле рук ребенка залегала необработанная локтевая кость журавля (*Grus grus*) [Jaanits, 1957]. В Дании в захоронении женщины и трехлетнего ребенка в Гёнхехусвей (V тыс. до н.э.) найден клюв утки-поганки [A woman and a child...]. В погребении могильника Бёгебаккен у фьорда Ведбек захоронены мать и прежде временно родившийся младенец, последний был уложен в могилу на крыло лебедя-кликуна (*Cygnus cygnus*) [Albrethsen, Brinch Petersen, 1976].

Сводные сведения о рассмотренных здесь вариациях обрядовой деятельности на памятниках Барабинской лесостепи отражены в таблице.

Варианты помещения птиц в детские захоронения доживаются до этнографической современности. Одним из наиболее неординарных представляется погребение девочки 10–12 лет в лесной пещере Тунель-Вельки под Краковом в Польше, датированное XVII–XVIII вв. Из сопроводительного инвентаря в могиле не было ничего, кроме двух черепов зябликов, один из которых находился во рту у скелета, другой лежал рядом с головой, по мнению исследователей, он мог выпасть из рта погребенной. По-видимому, данное захоронение было маргинальным и в момент сооружения, поскольку и место погребения, и этническая принадлежность ребенка (согласно генетическому анализу, девочка принадлежала к балтийским народам), и «инвентарь» не являлись характерными

деталями существовавших похоронных обрядов. Согласно исследованиям ученых, в финно-карельской мифологии птицы присутствовали в ипостаси «птица-душа» – виде, который принимали мертвые, желая вернуться в мир живых [Wojenka и др., 2021].

Перечисленные варианты использования птиц в детском похоронном обряде позволяют интерпретировать последних не только как остатки сопроводительной пищи, но и как приклады, несущие определенную семантическую нагрузку. В мифологии многих народов Сибири птица выступала демиургом либо тотемным предком, встречалось представление о душе в виде птицы, с птицей ассоциировалась душа, переходящая от умершего к новорожденному.

Северные народы оставляли на могиле изображение птицы – для временного пристанища души умершего [Косарев, 1984, с. 205–206]. У айнов, даяков Борнео и некоторых других народов существовали специальные головные уборы с изображениями тотемов, описание подобных одеяний мы находим у Л.Я. Штернберга: «...те, которые считают себя происходящими от той или иной птицы, обыкновенно от орла, укрепляют над лбом клюв этой птицы» [1933, с. 581]. Иногда отголоски древних представлений о птицах – тотемных прародителях сохраняются в мифологии современных этносов. Так, у башкир существует легенда о воспитании ребенка воронами, а голуби, вороны и сороки являются проводниками душ умерших в загробный мир. Чудодейственными свойствами обладают не только тотемные птицы, но и их части как воплощенияtotема – крылья, когти, клювы, изображения и т.д., неслучайно когти орла, вороны и лебедя прикрепляли к колыбели ребенка как оберег. Отмечены также представления о существовании бессмертной души в облике птицы [Илимбетова, 2023, с. 231–232]. Последние были характерны для всех сибирских народов, «светлая» душа человека имела облик души-птицы и совмещалась с образом тотемного предка, чаще орнитоморфного. Обрядовые действия, связанные с душой-птицей, были проникнуты идеей воспроизведения человека в рода. Представления о светлой душе-птице, улетающей после смерти человека в Верхний мир, прослеживаются на территории Западной Сибири с эпохи неолита [Косарев, 2010, с. 48–49]. Согласно представлениям коренных народов региона, у каждого рода в Верхнем мире существует дерево, на ветках которого живут светлые человеческие души

Варианты помещения орнитологических материалов в погребения детей на территории Барабинской лесостепи

Памятник	Датировка / культурная принадлежность	Количество захоронений	Кости птиц	Изделия из костей птиц	Изображения птиц
Тартас-1	Не определена	2	+	–	–
	Одиновская	4	+	+	–
	Кротовская	2	+	–	–
	Позднекротовская (черноозерская)	3	+	+	–
	Андроновская	14	+	–	+
Сопка-2	Усть-таргасская	17	+	+	–
	Одиновская	4	+	+	+
	Кротовская	3	+	+	+
	Позднекротовская (черноозерская)	2	+	–	–
Корчуган	Неолит	1	–	–	+
Усть-Тартасские курганы	Саргатская	1	+	–	–

в образе птичек. Проявление подобных воззрений приводит М.Ф. Косарев: «Энцы умерших младенцев помещали в подвешенную над землей зыбку; к обеим ее концам мать пришивала крылья гуся или куропатки. Затем родители говорили: “У тебя есть крылья. Ты не пойдешь по земле, а улетишь далеко в воздух, и для другого ребенка твоя душа пригодится”» [Там же, с. 45–46]. Сходный обряд отмечен А.М. Золотаревым и у ульчей: тело ребенка, умершего до года, заворачивали в белую ткань, к которой пришивали крыло птички [Чернецов, 1956, с. 24].

Птица, особенно хищная, могла выполнять и охранительные функции, подобные взгляды встречаются, например, в идеологических представлениях тяньшаньских киргизов: для охраны роженицы от злых духов во время родов в юрту приносили беркута или сову [Абрамзон, 1949, с. 96]. Марийцы от сглаза пришивали грудным детям на рубашку косточку от крыльышка петуха (шулдыр лу) [Молотова, 2015, с. 77].

Что касается археологических артефактов, то семантику жезлов с орнитоморфными навершиями, бытовавших на территории Западной Сибири в эпоху ранней–развитой бронзы, также связывают, прежде всего, с религиозной сферой, поскольку подобные находки сделаны в погребениях людей различного возраста и пола [Молодин, 2012, с. 169]. Игольники из костей крупных птиц известны с эпохи верхнего палеолита и могут иметь исключительно утилитарную интерпретацию. Однако присутствие подобных находок в погребениях младенцев позволяет предположить наличие определенной сакральной коннотации, в т.ч. связанной непосредственно с птицей, из кости которой изготовлен артефакт. Кроме того, к категории игольников, как правило, относят

обработанные трубчатые кости птиц, в т.ч. и те, где иглы отсутствуют. В настоящий момент существует мнение о как минимум трех вариантах интерпретации подобных находок, включающих также феноинструменты (охотничьи манки, флейты) и украшения [Кожевникова, 2024]. Эти категории могут существенно расширить семантические реконструкции, связанные с данными артефактами, индивидуальные в каждом конкретном случае.

Таким образом, комплекс рассмотренных детских захоронений и этнографических параллелей позволяет предположить существование в идеологических представлениях древних этносов Барабы отдельных иррациональных аспектов, связанных с птицей. Благоприятные природно-климатические условия региона способствовали разнообразию обитавших здесь видов птиц, прежде всего водоплавающих. Судя по археологическим материалам, на территории Западной Сибири с эпохи энеолита птицы, большей частью водоплавающие, наряду с медведем и лосем, являлись наиболее значимыми и почитаемыми образами в фанунистическом пантеоне [Косарев, 1991, с. 146–148]. Согласно мнению И.Ю. Шауба, семантика образа водоплавающей птицы отражает возможность последней устанавливать связь между различными областями мироздания – земной, воздушной, подводной. Так в греческой мифологии с водоплавающими птицами связывалась Афродита Урания – как богиня весны и возрождения [2018, с. 106].

Для всех исследованных археологических культур отмечен тот факт, что орнитологические остатки имели место лишь в части детских, как, впрочем, и взрослых, погребений. Подобные находки (навершие в виде головы птицы, сосуд с орнитоморфным декором, единичные птичьи кости) позволяют предположить связь члена коллектива с конкретной (тотемной?) птицей, которая могла выполнять и функции апотропея. Появление новых археологических материалов делает данную тему актуальной для дальнейшего углубленного исследования.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка // СМАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XII. – С. 78–138.

Ефремова Н.С. Образ птицы в картине мира древних обществ (по материалам археологических памятников Баранинской лесостепи) // Талант наивысшей пробы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2025. – С. 89–95.

Илимбетова А.Ф. Культ птиц в религиозно-мифологической системе башкир // Самарский науч. вестн. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 230–234.

Кожевникова Д.В. Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А.П. Окладникова) // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 24–40.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 246 с.

Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 33–51.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.В. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-педагог. ун-та, 2018. – 195 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. – 452 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5. – 223 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66–98.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Наглер А., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В. Тартас-1 – перекресток культуры и эпох. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 535 с.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новиков О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.

Молотова Т. Традиционные обряды и обычаи, связанные с первым годом жизни ребенка у восточных марийцев // Финно-угроведение. – 2015. – № 2. – С. 71–83.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 43–57.

Соколова Л.А. Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 44–51.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Перья птиц в системе оформления неолитического костюма (по материалам могильника Чумыш-Перекат на юге Западной Сибири // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2017. – № 16. – С. 20–34.

Чернцов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 161 с., 62 табл. (МИА; № 48).

Шауб И.Ю. О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // Зап. ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2018. – № 19. – С. 103–111.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М.: ТАУС, 2010. – 385 с.

A woman and a child from Gøngehusvej [Электронный ресурс] // URL: <https://en.natmus.dk/historical-knowledge/denmark/prehistoric-period-until-1050-ad/the-mesolithic-period/a-woman-and-a-child-from-goengehusvej/> (дата обращения: 15.10.2025).

Albrethsen S.E., Brinch Petersen E. Excavation of a Mesolithic cemetery at Vedbaek, Denmark // Acta Archaeol. – 1976. – № 47. – P. 1–28.

Jaanits L. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. – 1957. – Vol. 58. – P. 80–100.

Lbova L. The Siberian Paleolithic site of Mal'ta: a unique source for the study of childhood archaeology // Evol. Human Sci. – 2021. – Vol. 3, e9. – P. 1–11.

Wojenka M., Jaskulska E., Popović D., Baca M., Frog, Fetner R., Wertz K., Rataj K., Gryczewska N., Kosiński T., Kot M. The girl with finches: a unique post-medieval burial in Tunel Wielki Cave, southern Poland // Praehistorische Zeitschrift. – 2021. – Vol. 96, № 1. – P. 286–309.

Zagorska I., Meadows J., Iršėnas M. New Dates from Zvejnieki Burial Ground Graves with Anthropomorphic and Zoomorphic Figurines // Archaeologia Baltica. – 2018. – Vol. 25. – P. 100–124.

References

A woman and a child from Gøngehusvej. URL: <https://en.natmus.dk/historical-knowledge/denmark/prehistoric-period-until-1050-ad/the-mesolithic-period/a-woman-and-a-child-from-goengehusvej/> (Accessed: 15.10.2025).

Abramzon S.M. Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka. In *Sbornik Muzeya arkheologii i etnografii*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1949. Vol. 12. P. 78–138. (In Russ.).

Albrethsen S.E., Brinch Petersen E. Excavation of a Mesolithic cemetery at Vedbaek, Denmark. In *Acta Archaeologica*, 1976. No. 47. P. 1–28.

Chernetsov M.P. Iстория древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большой Речки. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1956. No. 48. 161 p., 62 tabl. (In Russ.).

Efremova N.S. Obraz ptitsy v kartine мира древних общин (по материалам археологических памятников

Barabinskoi lesostepi). In *Talant naivyshei proby*. Novosibirsk: Novosibirsk State Ped. Univ. Press, 2025. P. 89–95. (In Russ.).

Fribus A.V., Grushin S.P. Per'ya ptits v sisteme oformleniya neoliticheskogo kostyuma (po materialam mogil'nika Chumysh-Perekat na yuge Zapadnoi Sibiri. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2017. No. 16. P. 20–34. (In Russ.).

Ilimbetova A.F. Kul't ptits v religiozno-mifologicheskoi sisteme Bashkir. In *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2023. Vol. 12. No. 1. P. 230–234. (In Russ.). doi: 10.55355/snvs2023121217

Jaanits L. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. In *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 1957. Vol. 58. P. 80–100. (In Germ.).

Kosarev M.F. Drevnyaya istoriya Zapadnoi Sibiri: Chelovek i prirodnaia sreda. Moscow: Nauka, 1991. 302 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Mirovozzrencheskie aspekty traditsionnoi pogrebal'noi obryadnosti (po sibirskim materialam). In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2010. Iss. 224. P. 33–51. (In Russ.).

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v drevnosti. Moscow: Nauka, 1984. 246 p. (In Russ.).

Kozhevnikova D.V. Problema funktsional'nogo naznacheniya kostyanykh «igol'nikov» na primere trubchatykh kostei lebedya iz pogrebeniya № 12 Serovskogo mogil'nika (neolit, Pribaikal'e, raskopki A.P. Okladnikova). In *Narody i religii Evrazii*, 2024. Vol. 29, No. 4. P. 24–40. (In Russ.).

Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Khokhlov A.A., Entoni D.V. Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyi analiz. Samara: Samara State Social-Pedagog. Univ. Press, 2018. 195 p. (In Russ.).

Lbova L. The Siberian Paleolithic site of Mal'ta: a unique source for the study of childhood archaeology. In *Evolutionary Human Sciences*, 2021. Vol. 3, e9. P. 1–11. <https://doi.org/10.1017/ehs.2021.5>

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 1. 128 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 3. 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 4. 452 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 5. 223 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Efremova N.S., Novikova O.I., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kovyrshina Y.N., Mosechkina N.N., Vasileva Y.A. Arkheologicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2011 godu: osnovnye rezul'taty. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. XVII. P. 206–211. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Chikisheva T.A. Neoliticheskii mogil'nik Korchugan na Srednei Tare. In *Problemy neolita-eneolita yuga Zapadnoi Sibiri*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Press, 1999. P. 66–98. (In Russ.).

- Molodin V.I., Partsinger G., Mylnikova L.N., Khansen S., Durakov I.A., Rainkholt' S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V.** Tartas-1 – perekrestok kul'tur i epokh. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 535 p. (In Russ.).
- Molotova T.** Traditsionnye obryady i obychai, svyazannye s pervym godom zhizni rebenka u vostochnykh mariitsev. In *Finno-ugrovedenie*, 2015. No. 2. P. 71–83. (In Russ.).
- Polyakov A.V., Esin Y.N.** Horn Figurines from an Okunev Burial on Lake Itkul, Khakassia, Southern Siberia. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015. Vol. 43, No. 2. P. 43–57.
- Shaub I.Y.** O ritual'noi funktsii veretena iz pogrebeniya «tsaritsy» v kurgane Kul'-Oba. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAS*, St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2018. No. 19. P. 103–111. (In Russ.).
- Sokolova L.A.** Pogrebenie v kolybeli okunevskogo mogil'nika Uibat V. In *Arkheologicheskie vesti*, 1995. No. 4. P. 44–51. (In Russ.).
- Sternberg L.Y.** Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy. Khabarovsk: Dal'giz, 1933. 740 p. (In Russ.).
- Wojenka M., Jaskulska E., Popović D., Baca M., Frog, Fetner R., Wertz K., Rataj K., Gryczewska N., Kosiński T., Kot M.** The girl with finches: a unique post-medieval burial in Tunel Wielki Cave, southern Poland. In *Praehistorische Zeitschrift*, 2021. Vol. 96. No. 1. P. 286–309. <https://doi.org/10.1515/pz-2021-0008>
- Yablonskii L.T.** Prokhorovka: u istokov sarmatskoi arkheologii. Moscow: TAUS, 2010. 385 p. (In Russ.).
- Zagorska I., Meadows J., Iršėnas M.** New Dates from Zvejnieki Burial Ground Graves with Anthropomorphic and Zoomorphic Figurines. In *Archaeologia Baltica*, 2018. Vol. 25. P. 100–124. <http://dx.doi.org/10.15181/ab.v25i0.1833>

Ефремова Н.С. <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

Дата сдачи рукописи: 20.10.2025 г.